

Антропология Феофана Прокоповича

Платон Червяковский, первый исследователь, всерьез занявшийся изучением богословия Феофана Прокоповича, писал: «Феофан Прокопович такая богатая личность, что для изучения ее, по справедливому замечанию одного современного писателя, не достанет целой жизни человека. Это не только потому, что деятельность его была чрезвычайно многосторонняя¹, но и потому, что слишком разнородны и разнообразны были те условия и влияния, среди которых он вырос, воспитывался и действовал»². Личность самого Феофана весьма неоднозначна и эклектична, а богословы при оценке его творчества часто приходят к полярно противоположным суждениям. Одни видят в нем протестанта, рядящегося в одежды православного священнослужителя; другие православного богослова, влияние протестантизма у которого объяснялось необходимостью антикатолической пропаганды и выражалось «лишь в очень тонких и неуловимых оттенках рассуждений, которые при нападениях на чистоту его православия он каждый раз свободно и легко объяснял в чисто православном духе»³. Для его взглядов в целом был характерен синкретизм. Из направлений, которые были близки Феофану, можно особо выделить августинизм и янсенизм (особенно учение о свободе воли и о благодати). Все это в полной мере нашло отражение в антропологии Прокоповича.

Феофан Прокопович не создал специального произведения, посвященного «картине человека». Однако антропологическая проблематика затрагивается во всех его произведениях, что легко объясняется тем, что задачи даже, казалось бы, совершенно отвлеченно-богословских его произведений были практическими. Это были либо его споры с противниками, старавшимися доказать его «еретичность»⁴, либо опровержение суеверий, что в петровское время стало «делом государевым».

В трудах Феофана Прокоповича можно обнаружить почти полную «энциклопедию человека». Он писал о сотворении человека и его «первобытном» безгрешном состоянии⁵ (*De statu hominis integri*), о жизни после грехопадения (*De statu hominis corrupti*), о возможности спасения после грехопадения⁶ (*De gratuita peccatoris per Christum justificatione*) и в связи с этим о природе человеческой души (невещественная природа души) и о возникновении человеческих душ (*De Deo ad intra*). Впрочем, последний вопрос он не решает, но из двух вариантов (душу человек получает от отца или при рождении) склоняется скорее к последнему. Важное место в творчестве Феофана занимает вопрос о добродетелях. Объясняется это тем, что Прокопович полагал «двоякую» цель богословия (не только вера, но и действие — дела): «Наше спасение и слава Божия; — и первое достигается тем, что мы через веру во Христа оправдываемся и освобождаемся от грехов, образуемся благодатию Божией к деланию добра и достигаем блаженной жизни; второе — достигается нашею верою и нашими добрыми делами»⁷. И именно это отличает Феофана Прокоповича от протестантских философов и богословов, ведь в русле протестантской традиции, которая склонна считать, что для спасения необходима только вера, этика потому и развивается как философская дисциплина, что она отделяется от богословия. В православии и католицизме этический компонент представлен нравственным богословием, что несколько замедлило развитие этики в этих традициях, как науки философской. Таким образом, в антропологии Феофана Прокоповича можно найти влияние как нравственного, так и догматического богословия. Человек оправдывается верою, но спасается верою и делами, «люди, не имеющие благих дел, спастися не могут, ибо Христос таковых на суд имать осудими, рав-

но как и празднословящие воздадут слово в дни судные, убо благия дела необходимо нужны суть ко спасению»⁸. Феофан Прокопович так пишет о методе нравственного богословия: «Метод нравственного богословия следующий: следует сказать о добрых делах вообще: добрые же дела обозначаются во всем писании именем любви, а любовь относится к Богу и ближнему, как делит ее сам Христос; и так надо сказать 1) о религии, которая есть любовь к Богу, о справедливости, которая состоит в любви к ближнему»... В изложении учения о религии или служении Богу будем следовать порядку четырех заповедей первой скрижали; в учении о справедливости — порядку шести заповедей — второй скрижали. А так как *contrarium eadem disciplina est*, как говорит Аристотель, то говоря о добрых делах, будем вместе говорить о противоположных им грехах. К учению о каждой заповеди Божией, согласно наилучшему образцу нравственного богословия (т.е. писанию) следует присоединять божественные обетования хранителям закона и прощения — преступникам его»⁹.

Нравственная тема присутствует не только в богословских произведениях, она является стержнем трагикомедии «Владимир», которую чаще всего вспоминают как пародию на часть русского духовенства. Исследователи¹⁰ находят множество параллелей между этим произведением и проповедью Феофана Прокоповича в день св. Владимира, в которой победа человека над своими страстями и пороками представляется высшим его достижением. Можно сказать, что это исследование по психологии религии, в котором Прокопович показывает как Владимир постепенно становится христианином, как он «низложит гордыню и победил славлюбивый мир», а также «плоть сластолюбную» и «попра торжественно самого диавола». Собственно, для Феофана человек нравственный — это всегда человек верующий. В «Кратком православном учении о хуле на Духа Святого» он писал: «Все христианские добродетели нарицаются одним именем: Дух»¹¹. Таким образом, с его точки зрения начало любого нравственного совершенствования — вера, а в остальном он должен полагаться на Бога: «Такожде и святых мучеников свидетельство вере во Христа, присвояются не им самим, а Духу Святому»¹². Отсюда и акцентация бренности че-

ловеческого существования перед божественной вечностью: «О суетный человек, рабе неключимый, како то ты далеко бродиши мечтаними твоими. А незапно день последний разрушит твой живот бедный»¹³. Смерть здесь выступает как болезнь, тяжкий путь к излечению от зла и истреблению греха.

Собственно христианско-антропологическими можно назвать два сочинения Феофана: «Богословское учение о состоянии неповрежденного человека или о том, каков был Адам в раю» и второе сочинение, посвященное состоянию человека после грехопадения, частично переведенное Матвеем Соколовым и опубликованное в Москве в 1773 г. в работе «Четыре сочинения». Эти две работы тесно связаны: если большая часть первой посвящена «неповрежденному» человеку, то вторая посвящена видам и последствиям грехопадения. Феофан доказывает, что последствием греха является «порча» (*corruptio*) человеческой природы. Порча приводит к глубоким изменениям не только тела, которое становится смертным и болезненным, но и духа, порча также проявляется в извращениях ума, что в свою очередь приводит к суевериям (обличение суеверий — одна из главных тем Феофана), неверию (этому вопросу посвящен трактат «Рассуждение о безбожии»), к скептицизму¹⁴, рационализму, фанатизму и ереси. Прокопович писал в предисловии к «Рассуждению о безбожии»: «Всякому человеку, здравый разум и мущему, видим есть безбожия порок, или скверна и гнусность, никоею мерою измеряемая, и тех, которые безбожия предержатся, последнее нещастие и бедство неизреченное; потому в рассуждение человеческого ума, яко предостойнейшей над всеми животными прерогативы, трудно бы надеяться от онаго толикому происходити скарредству, аки бы плоду пагубному, окаянного своего виновника опровергающему»¹⁵. «Порча» извращает и человеческую волю, последствиями чего является самолюбие, ввергающее человека в пучину страстей. «Исцеление» падшей природы многообразно. Во-первых, это крещение (этому вопросу посвящено отдельное произведение «Истинное оправдание правоверных христиан, крещением поливательным в Христе крещаемы»¹⁶), которое Феофан трактует в первую очередь как просвещение (исцеление слепого), а затем уже как очищение («Действительная же сила креще-

ния, не есть омывати тело от скверны, но от кала греховного очищати душу»). Второй путь излечения — это добро («Бог ...заповеда нам...добро творить»¹⁷) и одно из его проявлений — истинная любовь.

Теме истинной любви практически полностью посвящено «Слово похвальное в день святых великомученицы Екатерины», произнесенное в день тезоименитства императрицы Екатерины I. Занимает эта тема большое место и в «Повести о распре Павла и Варнавы с иудействующими, и трудность слова Петра апостола о неудобь носимом законном иге им пространно предлагается»¹⁸, при чтении которого вспоминается «Слово о законе и благодати» Иллариона Киевского. Согласно Феофану, истинная любовь позволяет человеку «уклоняться от зла», и таким образом соблюдать «закон нравоучительный». Здесь любовь выступает как гармонизирующая и объединяющая людей божественная благодать. Любовь приближает человека к Богу, поскольку земная любовь это образ любви божественной. Это путь к обретению добра. Не истинная любовь — лицемерная. Тема лицемерия, вместе с темами суеверия и власти, одна из главных в творчестве Феофана, призванным самим императором сражаться с предрассудками, он во многих своих произведениях бичевал лицемерие. Оно отдаляет человека от веры, и в уже упомянутом «Слове похвальном...» Феофан пишет о двух видах любви: истинной и ложной (лицемерии). Лицемерие отдаляет человека от Бога, а любовь приближает. Любовь — это путь к «возращению истинных и вечных благ». Очевидно, что вопрос о любви как неотъемлемой части христианской веры важен для Феофана в связи с проблемой спасения. Вопрос о возможности спасения только верою для него чрезвычайно важен. С точки зрения Прокоповича, поскольку «падший» человек не может всецело исполнить евангельского закона и получает оправдание только через веру в искупительную жертву Иисуса Христа («Книжица, в ней же повесть о распре Петра и Варнавы», полемика с Маркелом Родышевским и др.), поскольку никто не может исполнить нравственный закон всецело, без погрешностей: «Аще благия дела не оправдают, то сие происходит от того, что они несовершенны суть, таковыя без сомнения находятся в неверующих, но поелику благия дела верую-

щих и отрожденных человек суть совершенныя убо оправдают их»¹⁹. Полностью человек оправдывается через веру во Христа, который своей жертвой «уже заплатил»²⁰ за спасение человека.

Третий путь исцеления – просвещение. Этой теме посвящено сочинение Феофана Прокоповича «Разговор гражданина с селянином да певцем или дьячком церковным» и в других произведениях, но наиболее ярко в «Духовном регламенте», где впервые отчетливо говорится о необходимости привлечь науку на службу государству: «И аще бы учение церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшия христианские особы, и запрещали бы иным учиться: а то видим, что учились вси древни наши учителя не токмо Св. Писания, но и внешней философии. И кроме многих иных, славнейшие столпы церковные боробствуют и о внешнем учении... Убо учение доброе и основательное есть всякой пользы как отечества, так и церкви, аки корень и семья и основание»²¹.

Важное место в антропологии Феофана Прокоповича занимает тема власти. В своих сочинениях о власти он в основном придерживался, прежде всего, современных ему учений (что хорошо показано в известной работе Г.Д.Гурвича ««Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники»), и постоянно следовал рассуждениям С.Пуфендорфа²², Г.Гроция²³, Т.Гоббса²⁴. Из перечисленных авторов для Прокоповича наиболее значимыми были идеи Пуфендорфа, поскольку в своих произведениях, обосновывающих необходимость и правомерность петровских реформ, Прокопович во многом основывался на работах немецкой юридической школы, обосновывающих идеи безграничной преданности народа государю как олицетворению государства²⁵. В трактате «Адам в раю» он показывает, что способность властвовать была заложена в «неповрежденном» грехопадении человеке от момента его сотворения Богом, «чтоб Адамово благополучие представить в высочайшей степени»²⁶. Способность к власти («над тварями») была в нем заложена как в образе Божьем: «...мы показали, что человек образ Божий имел в правоте разума и воли, свободности, власти над тварями, и в бессмертности как тела, так и души»²⁷. Эта идея не нова, мы обнаруживаем ее не только в библейских текстах, но и в апокрифической литературе. Но

власть эта была утрачена в результате грехопадения, и только божественные избранники, или как их называет Прокопович «христы»²⁸ («Слово о власти и чести царской») имеют право властвовать над другими людьми: «Кия же титлы? Кия имена? Бози и Христы нарицаются... яко того ради бози нарицаются, понеже «к ним бысть слово божие»... Сам бо имя сее «помазанный» ясно есть; сие есть: поставлен и оправдан от Бога царствовать»²⁹. И здесь Прокопович доводит до крайней точки активно развивавшуюся в русской традиции XVI–XVII вв. концепцию софиократии, возникшую как результат синтеза христианских представлений о Софии Премудрости Божией и концепций императорской власти³⁰. Процесс внедрения в культуру этого образа, истоки которого мы находим уже в первых произведениях русской книжности, становится чрезвычайно активным после падения Византии, когда актуализируется идея «*translatio imperii*»³¹, и на русских царей переносятся функции византийских императоров. Борис Годунов уже титуловался богоизбранным государем «всей Вселенной», «единым подсолнечным христианским царем». Феофан идет дальше, порой складывается впечатление, что Христу пришлось потесниться, и уступить место «христу»-помазаннику. И здесь совершенно логичным кажется присвоение Петру титула «Отца Отечества»³². В своем произведении «Розыск исторический о понтифексе», Феофан пишет: «Могут государи епископами народа, себе подданного, нарицатися. Имя бо епископ значит надсмотрителя... Государь, власть высочайшая, есть надсмотритель совершенный, крайний, верховный и вседействительный, то есть имущий силу и повеления, и крайняго суда, и наказания над всеми себе подданными чинами и властями, как мирскими, так и духовными. Что и от Ветхаго и от Новаго Завета довольно показал я в «Слове о чести Царской», проповеданном в неделю цветоносную 1718 году, и того ради zde не повторяю. И понеже и над духовным чином государское надсмотрительство от Бога уставлено есть, того ради всяк высочайший законный государь в государстве своем есть воистину епископ епископов»³³. Опираясь на протестантские концепции управления церковью правителями³⁴, Феофан Прокопович связывает вместе христологию, антропологию и политологию, и становится ясно, что главная цель бо-

гословских построений Феофана Прокоповича – преобразование «мира сего», очищение его от суеверий и лицемерия, для чего необходим император, облеченный полнотой светской и духовной власти, соединивший в себе земное и небесное – «Отец Отечества»³⁵, Петр Великий³⁶ и Император Всероссийский», служба которому столь же важна для христианина, как и служение Господу. Фактически император мыслится им уже не просто как человек, а как Сверхчеловек, вознесенный на непостижимую высоту божественной волей.

Примечания

- 1 Эта многосторонность, как легко убедиться всякому, знакомому с исследованием г. Чистовича, не исчерпывается известными похвальными стихами в честь Феофана Прокоповича, напечатанными в «Ученых ведомостях» 1777 г.:
Великого Петра дел славных проповедник,
Витийством златоуст, муз чистых собеседник,
Историк, богослов, мудрец российских стран,
Таков был пастырь стад словесных Феофан.
Примечание П. Червяковского.
- 2 *Червяковский П.* Введение в богословие Феофана Прокоповича // Христианское чтение. Янв.-февр. 1876. С. 32–33.
- 3 *Знаменский П. В.* История русской церкви. М., 1996. С. 252–253.
- 4 *Родышевский Маркелл.* О житии еретика Феофана Прокоповича // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. I. М., 1862.
- 5 См.: *Киселева М. С.* Рассуждение о человеке «поврежденном» и «неповрежденном» Феофана Прокоповича как образец «научного» богословия начала XVIII в. // Человек верующий в культуре Древней Руси. СПб., 2005. С. 182–190.
- 6 *Феофан Прокопович.* Православное христианское учение о благодатном человеке грешного через Иисуса Христа оправдании // Четыре сочинения / Пер. М. Соколова. М., 1776.
- 7 Цит. по: *Червяковский П.* Введение в богословие Феофана Прокоповича. С. 61–62.
- 8 *Феофан Прокопович.* Православное христианское учение о благодатном человеке грешного через Иисуса Христа оправдании. С. 165.
- 9 Цит. по: *Червяковский.* Указ. соч. С. 80–81.
- 10 *Тихонравов Н. С.* Трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владимир» // Журнал Министерства просвещения. 1879. V. С. 52–96.

- ¹¹ *Феофан Прокопович*. Краткое православное христианское учение о хуле на Духа Святого // Четыре сочинения /Пер. М. Соколова. М., 1776. С. 130.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Феофан Прокопович*. Сочинения /Под ред. И.П.Еремина. М.—Л., 1961. С. 225—226.
- ¹⁴ Скептицизм, религиозную мечтательность и религиозный энтузиазм Прокопович считал наиболее опасными из болезней ума, поскольку считал, что они указывают на плохое воображение и плохую память.
- ¹⁵ *Феофан Прокопович*. Рассуждение о безбожии. Изд. 2-е. М., 1784. С. 1.
- ¹⁶ *Феофан Прокопович*. Оправдание поливального крещения. М., 1913.
- ¹⁷ *Феофан Прокопович*. Книжица, в ней же повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими. М., 1784.
- ¹⁸ «Повесть» написана для графа И.А.Мусина-Пушкина, начальника монастырского приказа, по распоряжению которого делались переводы иностранных сочинений.
- ¹⁹ *Феофан Прокопович*. Православное христианское учение о благодатном человеке грешного через Иисуса Христа оправдании. С. 166.
- ²⁰ Там же. С. 170.
- ²¹ Духовный регламент // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. Стб. 4014.
- ²² Пуфендорф (Pufendorf) Самуэль (1632-1694) историограф и юрист, сторонник теории естественного права, основатель светской юридической науки в Германии.
- ²³ Гроций Гуго (Grotius) (1583—1645). Г.Гроций считается родоначальником теории общественного договора, которая составила концептуальную основу Просвещения. Согласно ей государственная власть возникает в результате соглашения между людьми, которые вынуждены переходить от беззащитного естественного состояния к защищенному гражданскому. Среди многочисленных философов, которые разрабатывали ее в дальнейшем, можно в первую очередь назвать британских философов Т.Гоббса и Дж. Локка. Из сочинений Гроция был переведен на русский в петровское время трактат «De jure belli et pacis» под заглавием «О правде войны и мира» и «О законах правды и мира». Его идеи легли в основу «Духовного регламента» и «Правды воли монаршей». См.: *Темниковский Е.Н.* Один из источников «Духовного регламента» // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1909. Т. 18. С. 524—534; *Гурвич Т.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича. Юрьев, 1915.
- ²⁴ Гоббс (Hobbes) Томас (1588—1679). См. подробнее: *Вальденберг В.Е.* Закон и право в философии Гоббса. СПб., 1900.
- ²⁵ См. подробнее: *Whittaker C.H.* The Idea of Autocracy among Eighteenth-Century Russian Historians // *Russian Review*. 1996. Vol. 55. № 2. P. 149—171.
- ²⁶ *Феофан Прокопович*. Богословское учение о состоянии неповрежденного человека или о том, каков был Адам в раю. М., 1785. С. 7.
- ²⁷ Там же. С. 11.

- ²⁸ Греческое слово *Christos* является переводом еврейского *Messian*. Эти оба термина произошли от глаголов со значением «умасать священным елеем», поэтому оба титула переводятся как «помазанник». Титул «Христос» в христианской традиции является выражением того, что титулованный божественно предназначен для служения. Формально именовать царя, да и любого православного, который принимает помазание в обряде крещения, а царь помазывается также и на царство, возможно, и тут можно вспомнить слова Иллариона Киевского «В Христа крестився, в Христа преобразився», но напрямую назвать: «Христом» человека, получившего божественную благодать в таинстве миропомазания, до Прокоповича никто не решался. Однако в принципе для богословской традиции в этом нет ничего экстраординарного. Можно вспомнить то, как писал о крещающихся Максим Исповедник: «Им дано быть и называться *богами*, поскольку Бог всецело наполнил их, не оставив ничего, что было бы лишено его присутствия».
- ²⁹ *Феофан Прокопович*. Слово о власти и чести царской // *Феофан Прокопович*. Соч. / Под ред. И.П.Еремина. М.—Л., 1961. С. 84—85.
- ³⁰ *Чумакова Т.В.* Идея софиократии в культуре Древней Руси // *Философский век Альманах*. Вып. 17. История идей как методология гуманитарных исследований. Ч. 1. СПб., 2001. С. 206—216.
- ³¹ См.: *Baehr S.L.* From History to National Myth: Translatio Imperii in Eighteenth-Century Russia // *Russian Review*. 1978. Vol. 37. № 1. P. 1—13.
- ³² См.: Речь, которая публично в церкви царскому пресветлому величеству от Синода и Сената говорена вице-президентом св. Синода архиепископом новгородским Феодосием 22 октября 1721 года при поднесении императору титула: Отец Отечества, Петр Великий, император Всероссийский // *Гаврилов А.В.* Очерк истории С. Петербургской Синодальной типографии. СПб., 1911. Вып. 1. 1711—1839. С. 145.
- ³³ *Феофан Прокопович*. Розыск исторический о понтифексе // *Верховской П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Т. 2. Материалы. Ростов н/Д., 1916. № 10. С. 13.
- ³⁴ См. подробнее: *Верховской П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Т. 1. Ростов н/Д., 1916.
- ³⁵ Отец Отечества — калька лат. *Pater patriae* — торжественный титул римских императоров.
- ³⁶ Великий — лат. *Maximus* — титулатура римских императоров.